

Шэнь Лянь считал, что всё, что следовало сказать, он уже высказал. Красноречием он особо не блистал, а все реплики подсмотрел у второстепенных персонажей в тех самых просмотренных в детстве тайваньских сериалах. Выжать из себя ещё более слезливую тираду он бы точно не смог.

Кто же не умеет играть на публику? Вот только до чего же это всё приторно! От собственного недавнего обращения «супружеский долг» — тьфу, «братец Цзыжань» — его чуть не стошнило по-настоящему.

Су Цзыжань был поражён столь эмоциональным и прочувствованным представлением. Хотя он прекрасно знал, что Шэнь Лянь притворяется, его самого чуть не проняло до слёз. От удивления он тут же перевёл взгляд на Чжоу Цзинчэня, желая посмотреть на его реакцию, и с удивлением заметил, что в глазах Чжоу Цзинчэня отражается лишь фигура Шэнь Ляня.

Неужели он и впрямь поверил словам Шэнь Ляня?

Зрачки Су Цзыжана сузились, и он вдруг громко произнёс:

— Цзинчэнь, ты чего тоже вышел?

На его губах застыла идеальная, выверенная улыбка. Он сделал шаг навстречу Чжоу Цзинчэню и сумел-таки оторвать его взгляд от Шэнь Ляня.

Шэнь Лянь тоже посмотрел на Чжоу Цзинчэня, но увидел лишь то, что в глазах этого мужчины отражается один только Су Цзыжань. Картина стоящих рядом двоих была поистине невыносима для глаз.

— Ага, — бесстрастно отозвался Чжоу Цзинчэнь, а затем бросил: — На фирме кое-какие дела, мне нужно идти.

— А? — Су Цзыжань слегка приподнял оправу очков и с немалой долей тревоги спросил: — Разве ты не поешь? Съешь хоть что-нибудь перед уходом, здоровье ведь превыше всего. Разве будут силы работать на голодный желудок?

Шэнь Лянь от услышанного едва глаза до затылка не закатил, но, поймав направленный на него взгляд Чжоу Цзинчэня, тут же снова принял смиренный вид.

— Не нужно. — Чжоу Цзинчэнь легко коснулся его щеки, и на его красивом лице промелькнуло редкое выражение нежности. — Ешь спокойно, вечером я заеду навестить тебя.

Этот взгляд заставил сердце Су Цзыжана затрепетать от восторга, а голос стал ещё мягче.

— Тогда я приготовлю ужин и буду ждать тебя.

Услышав это, Чжоу Цзинчэнь неторопливо произнёс:

— Хорошо.

Они ворковали так открыто, словно вокруг больше никого не было. Шэнь Лянь слегка опустил голову, а спрятанные за спиной руки сжались в кулаки. Грудь словно придавило тяжёлым камнем, стало трудно дышать.

Неужели все три года он добивался своего не тем способом? Если бы вместо «ты вернёшься поужинать?» он спрашивал «вечером я приготовлю ужин и буду ждать тебя», неужели Чжоу Цзинчэнь точно так же ответил бы ему «хорошо»?

Неужели?

Хватит тешить себя иллюзиями, Шэнь Лянь, не ответил бы!

Шэнь Лянь на мгновение прикрыл глаза, подавляя подступающее к горлу жжение, медленно переставил ногу и решительным шагом двинулся вперёд.

Поравнявшись с Чжоу Цзинчэнем, он остановился, глубоко вздохнул и вызывающе улыбнулся мужчине:

— Завтра в десять у входа в ЗАГС, не забудь.

Он действительно не играл на камеру

У Шэнь Ляня не получилось встретиться ровно в десять по двум причинам.

Во-первых, Чжоу Цзинчэнь улетел в командировку за границу, а во-вторых, на следующий день была суббота.

И правда, завтра же суббота!

Выйдя из Юаньянлоу с тяжестью на сердце — казалось, на него давил груз в тысячу цзиней, — он сквозь подступающую к горлу горечь набрал номер Чу Ханя и выпалил, что он, мать его, твёрдо решил развестись с Чжоу Цзинчэнем!

Он надеялся услышать в трубке возбуждённый голос Чу Ханя, который станет хвалить его, превозносить, приговаривая, мол, отлично сделал, просто великолепно, и тем самым укрепит его решимость. Но, услышав новость, Чу Хань почему-то умолк.

Разве он не должен был запускать фейерверки и осыпать всё вокруг лепестками роз?

Шэнь Лянь решил, что Чу Хань просто не хочет сыпать соль ему на рану, поэтому и утешает молчанием. Но спустя мгновение оглушительный рёв едва не разорвал ему барабанные перепонки.

— Да пошёл ты к чёрту со своими бреднями, Шэнь Лянь! — заорал Чу Хань. — Если не хочешь разводиться, так и не разводи! Иди и дальше играй в свою домашнюю хозяйку! Завтра суббота, в какой ты ЗАГС собрался? Если у тебя получится развестись, я добровольно оскоплю себя! Иди к чёрту!

После этого вызова связь оборвалась.

Шэнь Лянь от такого ора просто остолбенел и лишь спустя долгое время выдал растерянное: — Твою мать!

Черт побери!

Шэнь Лянь чувствовал, что перед Чжоу Цзинчэнем он полностью потерял лицо. Стоило ему хоть раз в жизни проявить твёрдость характера — и ту в самый первый раз, — как сама природа оказалась против него!

Интересно, смеются ли теперь над ним про себя Чжоу Цзинчэнь и Су Цзыжань? От одной этой мысли ему становилось всё неловчее, а лицо горело так, будто вот-вот вспыхнет.

Добравшись до Иньцзян Шуфу, он всё ещё мечтал провалиться сквозь землю.

Слова Шэнь Ляня прозвучали легкомысленно и прямолинейно. На мгновение у Чжоу Цзинчэня даже промелькнуло желание окликнуть его, но он всё же сдержался.

Мужчина от природы был сдержанным и скрытным, импульсивность — это совсем не про него. К тому же согласие Шэнь Ляня на развод принесло ему облегчение.

— Цзинчэнь... — Радость в сердце Су Цзыжана длилась ровно три секунды, пока он не сообразил, что завтра суббота. Его лицо мгновенно потемнело, и он напомнил Чжоу Цзинчэню: — Завтра ведь суббота.

Мужчина услышал и замер.

Чжоу Цзинчэнь помнил лишь то, что завтра ему предстоит внеплановая командировка — график утвердили только что во время того телефонного звонка, и в круговерти дел он совершенно потерял счёт дням.

— Угу.

Безразлично бросив одно слово, Чжоу Цзинчэнь чуть заметно скривил тонкие губы, и лёгкая улыбка на мгновение смягчила его суровые, мужественные черты лица.

Су Цзыжань, обладавший исключительной проницательностью, всё же уловил это крошечное движение.

Почему Цзинчэнь улыбнулся?

На душе у Су Цзыжана вдруг стало паршиво. Неужели из-за того, что завтра суббота и они с Шэнь Лянем не смогут развестись?

Нет, быть того не может.

Едва эта мысль забрезжила в сознании, он тут же безжалостно её отбросил: он прекрасно знал, что Цзинчэнь не любит Шэнь Ляня.

На самом деле у Чжоу Цзинчэня не было никаких скрытых мотивов — его позабавил только что устроенный Шэнь Лянем цирк. Такой нелепый и простодушный, он поднял ему настроение.

Шэнь Лянь ушёл, а самому Чжоу Цзинчэню нужно было возвращаться в офис, так что совместный ужин явно отменялся.

Су Цзыжань умел себя вести — понимающий и заботливый, он предложил Чжоу Цзинчэню заняться делами, а сам собирался поймать такси. Однако Чжоу Цзинчэнь настоял на том, чтобы сначала отвезти его домой, и лишь потом снова поехал в офис.

Шэнь Лянь весь вечер маялся и изводил себя сомнениями: стоит ли отправлять Чжоу Цзинчэню сообщение и признаваться, что он попал впросак? Стоит ли дать ему понять со всей властью, что развод — это серьёзно, а не шутки ради? Стоит ли назначить другую дату?

Но не успел он додумать всё до конца, как нечаянно заснул. Прошлой ночью он совсем не сомкнул глаз, а днём потратил немало сил на борьбу с этим двуличным лицемером Су Цзыжанем, так что усталость взяла своё.

Сон был глубоким, без сновидений — до самого рассвета.

Проснувшись на следующее утро, он не обнаружил в телефоне ни звонков, ни сообщений от Чжоу Цзинчэня, и сразу понял: тот, скорее всего, и вправду счёл всё это ребячеством.

На сердце невольно накатила волна бессилия.

Эх, нелёгкая это штука — жизнь, но он ведь действительно не шутил.

Пожилой мужчина

Быстро встав с постели и умывшись, Шэнь Лянь вышел из спальни на кухню. Завтрак на одного — дело нехитрое, пара минут возни у плиты, и всё было готово.

Усаживаясь за стол, он случайно задел стул, и тот с противным скрипом проехался по полу.

Эта просторная квартира площадью больше двух сотен квадратных метров была свадебным подарком семьи Чжоу. Он жил здесь на вполне законных основаниях, но сам Чжоу Цзинчэнь появлялся в ней крайне редко.

У этого мужчины были и другие дома вне брака, хотя точного количества его недвижимости Шэнь Лянь не знал.

Раньше, если Чжоу Цзинчэнь не ночевал дома, он уже привыкал к этому. Но теперь всё изменилось: после появления на горизонте некоего Су Цзыжана в голове сами собой стали крутиться мысли: а вдруг они вместе?

Вместе ложатся в постель.

Вчера они ужинали вдвоём, так что вполне естественно, если после этого последовало что-то ещё.

При этой мысли Шэнь Лянь внезапно почувствовал, что аппетит пропал начисто. И надо же такому случиться — он тайне мечтал затащить Чжоу Цзинчэня в постель с самого первого дня.

Этот одарённый свыше мужчина в двадцать три года открыто заявил о своей ориентации и сейчас, в тридцать три, оставался неизменным. За все эти десять лет в жёлтой прессе не появилось ни единой сплетни о его личной жизни. Шэнь Лянь искренне считал его образцом непорочности, иначе как бы он сам выдержал три года виртуального вдовства?

И это при том, что за ним самим ухаживали толпы поклонников ещё лет с пяти! В детстве многие мальчишки по ошибке принимали его за девочку.

Разве не говорят, что все мужчины падкие на внешность, а богатые — тем более?

Но Чжоу Цзинчэнь кардинально отличался от большинства состоятельных мужчин.

Шэнь Лянь понял это уже после свадьбы: подобный характер не формируется за один день.

Три поколения семьи Чжоу служили в армии, и уже на дедушке Чжоу их род стяжал немалую славу и высокое положение. Однако в молодости дедушка не стал продолжать дело предков, а в разгар политической нестабильности вовремя ушёл в отставку и подался в бизнес. Обладая природной хваткой, он моментально преуспел, и дело семьи Чжоу разрасталось с каждым днём.

Такое огромное состояние, разумеется, нуждалось в наследнике. К сожалению, у дедушки был единственный сын — отец Чжоу, который ко всему прочему презирал деньги и в конце концов предпочёл стать самым обычным университетским преподавателем.

Поскольку надежд на сына не осталось, дедушке пришлось перенести все ожидания на внука. С самого рождения Чжоу Цзинчэнь нёс на себе груз великих надежд — тех самых тяжёлых чаяний старого генерала.

Его путь взросления кардинально отличался от жизни обычных детей: дедушка предъявлял к нему жесточайшие требования во всём, благодаря чему и выковался его нынешний железный характер.

Всё это ему рассказал сам дедушка Чжоу.

Чжоу Цзинчэнь был мужчиной, способным держать под строжайшим контролем любые чувства и желания. Сколько бы намёков ему ни делали, если он чего-то не хотел — значит, действительно не хотел.

Раньше Шэнь Лянь до безумия был очарован этой его холодностью и неприступностью, но теперь он понял: тот просто не разменивался по мелочам, в отличие от остальных мужчин. В сравнении с тем улыбчивым тигром он наверняка держался совсем иначе, верно? Жуя кусок тоста в руке, Шэнь Лянь почувствовал во рту горечь. Об истории Чжоу Цзинчэня и Су Цзыжана почти никто не знал, казалось, никому не было дела до их прошлого, но если бы он сам чуточку раньше узнал, что в сердце Чжоу Цзинчэня кто-то есть, то, пожалуй, не увяз бы в этом так глубоко.

Если память ему не изменяла, вчера Чжоу Цзинчэнь дважды погладил Су Цзыжана по голове, потом похлопал по плечу, а в самый последний раз даже прикоснулся к его щеке!

Он, законный муж, в этой роли опозорился по меньшей мере до предела — уж лучше самому подать в отставку, хоть сохранив капельку собственного достоинства.

Покончив с завтраком и неторопливо всё убрав, Шэнь Лянь набрался храбрости и позвонил Чжоу Цзинчэню. Он хотел сам предложить встретиться и выбрать другое время, вот только вызов долго никто не принимал.

За окном солнце становилось всё ярче и теплее, но это не могло разогнать стужу в его сердце.

На самом деле Чжоу Цзинчэнь еще прошлой ночью улетел ночным рейсом на другой берег океана, в Англию, а все те блюда, что Су Цзыжань приготовил, наполнив ими целый стол, в итоге отправились в мусорное ведро.

Дождаться человека не удалось, он проворочался без сна весь вечер, да вдобавок еще и позвониться не мог.

Следующие несколько дней график Чжоу Цзинчэня был невероятно плотным. Из-за проблем с зарубежной линией продукции он ночами напролет созывал экстренные совещания — так продолжалось несколько вечеров подряд, а его сотовый хранился у помощника, и никакие личные звонки вообще не принимались.

Шэнь Лянь узнал о его поездке в Англию от Чу Ханя.

Самый знаменитый клуб в Городе А принадлежал Чу Хасю. Сегодня вечером тот закатил здесь вечеринку, а по дороге сюда заехал прямо в Иньцзян Шуфу и вытащил Шэнь Ляня наружу.

Чу Хай всё-таки держал в уме историю с Чжоу Цзинчэнем. Шэнь Ляня несколько дней было невозможно найти, он волновался и поэтому лично отправился к нему домой.

Белый «мерседес» бодро мчался по асфальтированному шоссе, пейзаж за окном с бешеной скоростью уносился назад.

— Ты не мог бы перестать петлять ради показухи? Едешь прямо как дождевой червь.

Шэнь Лянь крайне презрительно отозвался о его манере вождения: даже при том, что его самого обычно не укачивало, сейчас его слегка подташнивало.

В ответ Чу Хань тоже наградил его брезгливым взглядом:

— Послушай, великий господин, будь ты женщиной, я бы вез тебя плавно и ровно, как по рельсам.

Чу Хань был гетеросексуалом, в их кругу это считалось почти исключением из правил. Люди эволюционировали до сегодняшнего дня, и границы между мужчинами и женщинами стирались всё сильнее. Раньше говорили, что женщину заводят ради продолжения рода, но теперь и мужчины способны рожать детей — так кто же захочет изо дня в день возиться с женскими капризами?

В конце концов, женщины состоят из воды: их нужно ублажать, баловать, носить на руках.

Повседневное давление и так слишком велико, черт побери, с мужчинами общаться куда проще.

Шэнь Лянь закатил глаза и отвечать ему не стал, однако вид у него был настолько угрюмый, что у Чу Ханя на душе скребли кошки.

Он был знаком с Шэнь Лянем столько лет, а этот парень — сушая маленькая малютка-солнышко: яркий, броский, любящий покрасоваться, с ветерком в каждом шаге. Но после женитьбы он постепенно изменился.

Чу Хань с глубоким вздохом покачал головой: кому другому он мог бы понравиться, почему непременно нужно было влюбиться именно в Чжоу Цзинчэня?

Что на этот вопрос ответил сам Шэнь Лянь давным-давно?

Он тогда сказал:

— Что плохого в том, что я люблю собственного мужа?

И то верно!

Оценка — десять из десяти, жаль только, что этот чурбан Чжоу Цзинчэнь не оценил.

Некоторое время в салоне царила тишина, пока Чу Хань наконец не решился заговорить первым:

— Ты правда твердо решил развестись?

Шэнь Лянь с заметной неохотой выдавил короткое «угу», а затем горько усмехнулся:

— А что еще остается делать, если не разводиться? Он сам велел долго не заставлять его ждать.

— Твою мать, этот старый хрыч и впрямь такое ляпнул?

Старым хрычом Шэнь Лянь называл Чжоу Цзинчэня в шутку, когда только-только влюбился в него. Впрочем, вслух он почти не обращался к нему так и не осмеливался называть его этим прозвищем в открытую.

— Угу.

Неизвестно в какой момент в руке Чу Ханя появилась сигарета, но Шэнь Лянь выхватил ее и сунул себе в рот:

— Лучше следи за дорогой!

Чу Хань поморщился, спорить не стал и, немного помешкав, все же решил выложить всё, что ему было известно.

— Разводись. Так будет лучше.

Лакомый кусочек!

Услышав этот совет от Чу Ханя, Шэнь Лянь вдруг отчаянно захотел зайти на местный форум и задать там вопрос.

Каково это, когда даже лучший друг уговаривает тебя развестись?

Пользователь А: Трава у дороги растет буйно, с каждым годом увядая и расцветая вновь.

Пользователь Б: Насколько же несчастливым должен быть твой брак?

Пользователь В: Внимание, опасность! Твоя подруга случайно не мешает занять твое место?

.....

Рисуя в воображении ответы пользователей, Шэнь Лянь ощутил в душе глухую тоску, как вдруг рядом раздался зычный голос Чу Ханя:

— Чего ты повесил нос? Разве в прошлый раз ты не был полон твердости и решимости? Когда этот старый хрыч вернется из Англии, покажи мне такую же твердость! Ни в коем случае не пасуй, а потом сделай так, чтобы хорошенько содрать с него компенсацию! богаче него человека не сыскать, так что не вздумай глупо экономить ради него, выбей себе и недвижимость, и сбережения, ты...

Он не успел договорить, как Шэнь Лянь ледяным голосом оборвал его:

— Что ты сказал? Куда он отправился?

Чу Хань на мгновение опешил, вздернул брови и произнес:

— В Англию. Кажется, с его зарубежной компанией какие-то дела... Ты... — он замолчал, а затем легко усмехнулся, ни капельки не щадя чувств Шэнь Ляня: — Ах да, ты же не в курсе.

Вот именно, черт побери, он вообще ни о чем не знал!

Шэнь Лянь горько улыбнулся, и его голос внезапно осип:

— Когда он уехал?

— Это я запомнил хорошо. Как раз в тот день, когда ты позвонил мне и сказал, что собираешься развестись со старым хрычем.

— Откуда ты знаешь?

Чу Хань неопределенно протянул «а-а-ай»:

— Та женщина-помощница Лу Монаня сболтнула. Я тут за ней ухаживаю, эх, говоришь ты, раз она поделилась со мной такой новостью, не значит ли это, что я уже почти добился своего?

Твою ж налево!

Шэнь Лянь недовольно покосился на него и сквозь зубы бросил:

— Понятия не имею, я ведь никогда за женщинами не ухаживал!

Лу Монань был хорошим другом Чжоу Цзинчэня, а Чу Хань вел с Лу Монанем долгосрочные дела — при такой цепочке знакомств нет ничего удивительного, что он оказался в курсе.

Чу Хань рассмеялся, собираясь отпустить еще парочку подколок, но выражение лица приятеля было слишком уж тяжелым. Всё-таки они дружили с малых лет, и ему стало жалко Шэнь Ляня.

— Шэнь Лянь, давай не будем раскисать как девчонки, мы же мужики. Ну ошибся в чувствах, заключил не тот брак — разве в жизни каждого не было тех, кто нам не подходил? Этот цветок не распустился, так, глядишь, следующий принесет плоды. Нужна смелость, чтобы вовремя отпустить.

Он говорил вполне искренне и проникновенно. Шэнь Лянь действительно прислушался и был полностью с ним согласен.

Добравшись до их постоянного прибежища и припарковав машину, Чу Хань продолжал болтать по дороге:

— К тому же, старый хрыч ведь тебя пальцем не тронул, вы оба до сих пор чисты и невинны, так что ты у нас лакомый кусочек.

— Жить надоело?!

Вечно он наступал на самые больной мозоль. Стоило Шэнь Ляню бросить на него ледяной взгляд, как Чу Хань тут же умолк.

Дверь в самую роскошную и просторную VIP-комнату клуба отворилась, и навстречу хлынул оглушительный шум.

Это была любимая стихия Чу Ханя, хотя вовсе не то, что нравилось самому Шэнь Ляню.

Но сейчас, после только что услышанных утешений, когда его внутренний настрой изменился, в нем проснулось смутное желание предаться безудержному веселью.

Едва Чу Хань переступил порог вместе с Шэнь Лянем, как тут же раздались восторженные возгласы, подначки и свист. В этой компании были как их общие друзья, так и незнакомые Шэнь Ляню люди, но от этого давно забытого чувства единения с толпой сердце в груди сладко заныло.

Последнее время выдалось слишком удушливым — пусть даже он сам во всем был виноват, но этой ночью он просто обязан оторваться по полной!

Шэнь Лянь откинул со лба челку, уголки его губ медленно поползли вверх. Его утонченные черты лица, словно вырезанные из нефрита, в игре приглушенного света клубного зала складывались в завораживающую, дьявольски притягательную улыбку.

— Вы двое, опаздываете!! С вас штрафная, пить до дна!

Любить женщину — и то лучше, чем любить Чжоу Цзинчэня!

Шэнь Лянь принял бокал, запрокинул голову и осушил его в один присест до последней капли. Одобрительные крики вокруг стали еще громче, присутствующие отбили себе ладоши и один за другим подходили к нему со словами:

— Шэнь Лянь, ты, бродяга, наконец-то выбрался в свет!

Шэнь Лянь широко улыбался, излучая дерзкую уверенность и смыв с себя прежнюю мрачность, а затем слегка смущенно произнес:

— Хорошо еще, что вы меня совсем не забыли.

Судя по словам Люлю, стоило ему жениться, как он словно сквозь землю провалился. Эта компания собиралась регулярно, но Шэнь Лянь и раньше не всегда появлялся на встречах, а после женитьбы и вовсе исчез бесследно.

Сегодня, когда он триумфально вернулся в их ряды, никто не собирался давать ему поблажек.

Вся эта компания уже опрокинула по рюмочке и находилась в полубезумном состоянии: они прыгали, скакали и бесчинствовали. Шэнь Лянь в этот вечер принимал любые вызовы, и друзья церемониться не стали — каждый норовил сунуть ему в руку бутылку и заставить осушить ее по очереди.

В отдельном кабинете было жарко от отопления, и после половины круга Шэнь Лянь почувствовал, как по телу разливается жар, а лицо начинает гореть. Он снял верхнюю одежду, оставшись в черном кашемировом свитере — мягкий материал прекрасно оттенял цвет его кожи.

Алкоголь такая вещь: чем дальше пьёшь, тем сильнее захватывает азарт. Чу Хань видел, что на душе у приятеля скребут кошки, но долго смотреть на такое пьянство тоже не мог.

— Хватит уже, хорошего понемножку. Угмонитесь все до единого, прекратите издеваться над моим Ляньлянем, он ведь еще даже не ужинал.

Чу Хань отличался тем, что всегда ревностно защищал своих. Как-то раз он вполне серьезно заявлял Шэнь Ляню: если бы его привлекали мужчины, разве остался бы хоть какой-то шанс у этого Чжоу Цзинчэня? Он бы вырастил из Шэнь Ляня идеальную невесту еще с пеленок.

Естественным результатом подобных слов стал удар ногой от Шэнь Ляня. Тот просто не мог вообразить Чу Ханя любящим мужчин, да и к счастью, тот к ним равнодушен.

— Чу Хань, чей это еще твой?! Смотри, как бы великий господин Чжоу не содрал с тебя шкуру!

Кто-то бросил реплику, и сборище соучастников-хулиганов тут же дружно подхватило:

— Верно, Чу Хань, ты первый, кто осмелился посягнуть на человека великого Чжоу!

— Никого на свете не уважаю, кроме твоего мужества!

Эти люди не знали истинного положения дел и болтали без умолку. Чу Хань со смехом выругался в их адрес, а затем повернулся к Шэнь Ляню, с удивлением заметив на его лице совершенно безмятежное выражение.

<http://bllate.org/book/22299/2335097>